

Размышление о книгах

УДК 655.552

DOI 10.62139/2949-608X-2026-4-1-195-204

История музеев живой природы при университетах двух столиц

Малунова Мария Викторовна

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

The History of Live Nature Museums at the Two Capitals' Universities

Maria V. Malunova

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

«Ботанические сады – это музеи живой природы. Экспонаты в ботанических садах – живые. За ними можно наблюдать в любое время, на любой стадии развития, в любой период года», – такое простое, но емкое определение в одной из лекций дала Алена Сергеевна Третьякова, директор Ботанического сада УрО РАН¹.

Ботанические сады – уникальные хранилища садоводческой культуры человечества. Их коллекции включают растения, сопоставимые по историко-культурной ценности с музейными раритетами. Отдельные экземпляры культивируются непрерывно на протяжении сотен лет, формируя особую экосистему и адаптируясь к местным условиям. Так, в Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород» произрастает «петровская» лиственница (рис. 1), по преданию посаженная в 1706 г. Петром I, и дуб Гофмана, дерево, пережившее пожар 1812 г. (рис. 2). В отличие от традиционных экспонатов эти живые организмы нельзя просто переместить в новое место без риска гибели или утраты уникальных свойств. Поэтому сохра-

¹ Филиппова Т. Ботанические сады – музеи живой природы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yeltsin.ru/news/botanicheskie-sady-muzei-zhivoj-prirody/?ysclid=mjr6551d9a889102381> (дата обращения: 24.12. 2025)

Рис. 1. Лиственница Петра Первого в «Аптекарском огороде». 2018 г.
 Источник: Биологический факультет
 Московского государственного университета
 имени М.В. Ломоносова.

нение уникальных долгоживущих растений возможно только при условии сохранения самого сада как среды их обитания (1).

Публикации по истории отечественных ботанических садов – редкое явление в историографии. Как правило, монографии, освещающие этапы становления садов и формирование их коллекций, издаются лишь эпизодически, преимущественно к юбилейным датам. Начиная с 2000-х гг. приоритетным направлением деятельности ботанических садов становится экологическое образование и просвещение населения (2). Можно предположить, что с этим связан и рост внимания к истории отечественных ботанических садов, поскольку просветительская деятельность часто

опирается на обращение к традициям и наследию научных учреждений.

Ботанические сады университетов играют существенную роль в системе специального образования. В высших учебных заведениях они выступают прежде всего как учебно-методическая база для обеспечения наглядности ботанических курсов. Коллекции растений служат материалом для практикумов и лекций, а также основой для тематических экскурсий. Такие экскурсии позволяют студентам ознакомиться с разнообразием флоры различных климатических зон: от тропиков и субтропиков до горных и аридных территорий, а также с культурными и дикорастущими полезными растениями, редкими и исчезающими видами. Кроме того, ботанические сады университетов широко используются в образовательном процессе для студентов смежных специальностей: географов, агрономов, лесоводов и др. (1).

Так случилось, что в течение двух лет, практически друг за другом вышли две книги: в 2023 г. монография К.А. Голикова «Три века истории Ботанического сада Московского университета: времена и грани»², в 2024 г.

² Голиков К.А. Три века истории Ботанического сада Московского университета: времена и грани. М.: Перо, 2023. 214 с.

книга В.А. Бубыревой и Е.А. Ростовцева «Ботанический сад СПбГУ: вехи истории»³.

На первый взгляд издание Санкт-Петербургского университета смотрится выигрышнее: интересный и продуманный макет, портреты и фотографии архивных материалов (планы строений, гербарии, титулы научных работ и др.), цитирование документов и воспоминаний современников обогащают представляемую читателям историю. При этом в монографии Голикова непосредственно исторические сведения о преобразовании сада Московского университета вписаны в исторический контекст становления университетского образования в стране, а тема внутренних проблем по уходу, сохранению в трудные времена сада и последующего восстановления растительных коллекций раскрыта недостаточно.

Обращаясь к визуальной составляющей изданий, нужно отметить, что недостатком обеих книг является или полное отсутствие иллюстративного ряда (у Голикова) или отсутствие цвета, такого важного в биологической науке, в фотографиях гербариев, экспозиций сада и т.д. Но это скорее небольшой недочет, обусловленный, вероятнее всего, финансовой стороной обоих проектов.

Итак, книги по истории ботанических садов при университетах двух столиц отличаются по структуре, форме изложения и даже рассчитаны на разную целевую аудиторию. Однако при погружении в материал становится очевидно, что книги дополняют друг друга, позволяя сформировать целостное представление о становлении и развитии этих научно-образовательных подразделений университетов.

Лаконичные названия и оформление обложек изданий располагают читателя к погружению в исторический контекст, а не просто мир растений, созданный и сохраняемый человеком. Вводная часть (Введение и Предисловие) поясняет структуру книг, выделяет хронологию и очерчива-

Рис. 2. Дуб Г.Ф. Гофмана на исторической территории Ботанического сада МГУ.

Источник: Голиков К.А. Три века истории Ботанического сада Московского университета: времена и грани. М.: Перо, 2023, фотография на обложке.

³ Бубырева В.А., Ростовцев Е.А. Ботанический сад СПбГУ: вехи истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 202 с.

Рис. 3. Голиков К.А. Три века истории Ботанического сада Московского университета: времена и грани. 2023 г.

ет богатую архивную составляющую: «В книге использованы материалы 13 архивов Санкт-Петербурга» (Бубырева, Ростовцев, с. 7). Содержания построены в соответствии с историческими этапами существования ботанических садов, затрагивая как предпосылки их появления, так и современное состояние и деятельность этих подразделений университетов. Отличительной чертой монографии К.А. Голикова является наличие второй части, посвященной отдельным аспектам научной деятельности Ботанического сада МГУ как центра растительных биоресурсных коллекций.

Итак, открывая книги, читатель погружается в разные столетия. История Ботанического сада МГУ начинается на полтора столетия раньше, в XVIII в. с появления в 1706 г. Аптекарского огорода «как вспомогательного медицинского учреждения Глав-

ной городской аптеки» (Голиков, с. 10). Первый век своего существования ботанический сад выполнял образовательные функции для подготовки медицинского персонала – изучение растительных ресурсов «в первую очередь было связано с потребностями медицины» (Голиков, с. 12) – и только в 1804 г. стал университетским. В свою очередь, предыстория ботанического сада СПбГУ начинается только с 1819 г., «с воссоздания Александром I Петербургского университета на базе Педагогического института» (Бубырева, Ростовцев, с. 12). Уставом учебного заведения предполагалось существование ботанического сада, однако до появления «собственного при университете Ботанического сада» студенты «пользовались коллекциями» Императорского ботанического сада, созданного, как и московский Аптекарский огород, в начале XVIII в. по велению Петра I (Бубырева, Ростовцев, с. 10). Начало истории ботанических садов университетов, изложенная в первых главах книг, дает представление о формировании первых ботанических садов в России и их первоначальной функции в обучении лекарей и снабжении аптек лекарственными травами. Заложенное Петром Великим образовательное направление ботанических садов в дальнейшем послужило формированию ботанической науки в нашей стране.

Раскрывая историю формирования, развития и сохранения ботанических садов при университетах на протяжении всего времени их существования, авторы подчеркивают наличие общих проблем. При этом ключевым ограничивающим фактором, неизменно фигурирующим в исследованиях, является финансирование. Голиков отмечает: «... в университетском бюджете средств на его (помещения для научных исследований и учебных занятий. – М.М.) постройку не имелось». Однако, в дальнейшем финансирование нашли. Лаборатория, построенная на средства «почетных граждан» и открытая в 1883 г., в итоге стала базой основанной И.Н. Горожанкиным московской научной школы ботаников (Голиков, с. 45–46). В свою очередь авторы из СПбГУ отмечают, что после появления ботанического сада при университете важным

этапом стало сооружение оранжерей, необходимых как для научной деятельности, так и для осуществления учебного процесса на протяжении всего календарного года. Финансовая помощь для реализации этих планов пришла со стороны. Указано, что в 1866 г. М. Воронин выделил на создание учебной оранжереи 6000 руб. (Бубырева, Ростовцев, 50–51). Пропуская последующее столетие в повествовании, нужно отметить, что в XX в. ситуация не меняется. Ярким примером, приведенным авторами, является следующее: «В 1999 г. В.Н. Никитина обратилась с просьбой к Генеральному директору ЗАО «Лаверна» А. Кацу с просьбой о ремонте оранжерей. В 2003–2004 гг. оранжерейный комплекс был капитально отремонтирован» (Бубырева, Ростовцев, с. 163). Конечно, на содержание ботанических садов при университетах выделялось бюджетное финансирование, в соответствии с Университетским уставом 1863 г., но часто этого было недостаточно для сохранения и развития ботанического сада.

Важным направлением деятельности ботанических садов было увеличение растительного разнообразия, что являлось необходимым как для развития образовательного процесса, так и научных исследований. Одним из путей пополнения ботанических коллекций был обмен «посадочным материалом с натуралистами-любителями» (Голиков, с. 15). Однако наиболее эффективным каналом расширения количества видов растений в ботанических садах в начале XIX в. Голиков описывает так: «Растения

Рис. 4. Бубырева В.А., Ростовцев Е.А. Ботанический сад СПбГУ: вехи истории. 2024 г.

поступали как от отечественных, так и от зарубежных ботаников, а также в ходе экспедиционных сборов в Московской губернии» (Голиков, с. 26). Благодаря формированию коллекции растений, произрастающих в окрестностях Москвы, началось изучение флоры и растительности Европейской России (Голиков, с. 15). В свою очередь теплолюбивые растения в ботанический сад попадали «в результате собственных (университетских. – М.М.) экспедиций в тропические страны» (Голиков, с. 30). В Санкт-Петербургском университете пополнение коллекций растений происходило благодаря студентам и сотрудникам, которые привозили из экспедиций живые растения и семена. Со временем ботанические сады стали обмениваться как живыми растениями, так и их семенами. В конце 1890-х гг. у Ботанического сада СПбГУ появился каталог растений из так называемого «обменного фонда», которыми сад мог поделиться (Бубырева, Ростовцев, с. 59–60). Система обмена растениями зарекомендовала себя как эффективный способ увеличения коллекций и их восстановления после различных катаклизмов, в результате которых растения часто погибали. Так, после Великой Отечественной войны растения в Ленинград привозили из «советских субтропиков» (Бубырева, Ростовцев, с. 131).

За время существования ботанических садов при столичных университетах были тяжелые периоды, связанные с историческими событиями, происходившими в стране: войнами, революцией, экономическими трудностями и т.д. Испытание на прочность Ботанический сад МГУ прошел уже в первые десятилетия после присоединения к университету в результате пожара 1812 г. «Сад пострадал – в огне погибли библиотека и архив Гофмана, уничтожены оранжереи», «... погибли все растения за исключением деревьев...» (Голиков, с. 28). Для того чтобы сохранить уцелевшие растения и начать восстановительные работы, часть территории сада была продана – «уменьшилась едва ли не в половину» (Голиков, с. 29). Таким образом, именно в результате Отечественной войны 1812 г. площадь Аптекарского огорода изменилась до современных размеров. После трудностей в период топливного голода в 1921 г., когда сохранение тропических растений было главной заботой работников ботанического сада, «Для их (оранжерейных растений. – М.М.) содержания пришлось расширить и модернизировать оранжереи: устаревшее боровое (дровяное) отопление заменили водяным, и построили два бетонных бассейна для тропических водных культур» (Голиков, с. 62–63). У ботанического сада университета северной столицы большой проблемой была борьба за сохранение территории. Расположенный в центральной части города ботанический сад на протяжении своей истории неоднократно изменял свою площадь: «... с конца 60-х гг. XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны строительство и реконструкция Ботанического кабинета университета не прекращалась». Постройка новых зданий влияла на сад, «... если это не затрагивало собственно территорию сада, в любом случае вело к затенению территории», что сказывалось на жизни растений. (Бубырева, Ростовцев, с. 93). В послевоенное время проблема сохранения территории Ботанического сада снова актуализировалась: «Нелегко было Залесскому отстаивать территорию Сада как полноправного

подразделения университета... Слишком привлекательным казалось устроить у кафедры генетики дровяной склад, а на горке... общеуниверситетскую свалку» (Бубырева, Ростовцев, с. 128).

Если для Ботанического сада МГУ «Аптекарский огород» тяжелыми были годы после Отечественной войны 1812 г., то для Ботанического сада СПбГУ сложности начались в гражданскую войну, когда в голодные годы на его территории «были разбиты огороды». (Бубырева, Ростовцев, с. 98–100). Но самым тяжелым испытанием стала блокада Ленинграда во время Великой Отечественной войны, когда значительно пострадали коллекции сада ЛГУ. Авторы ярко описывают события того времени: «В тяжелых условиях блокады университет продолжал жить, продолжал бороться, помогать городу и стране» (Бубырева, Ростовцев, с. 114). Отдельно освещен подвиг ученых-ботаников. Земля ботанического сада и умения сотрудников стали одной из считанных возможностей спасти жителей города в блокаду. Так, «весной 1942 г. С.А. Гуцевич с ее коллегами в университете была подготовлена выставка дикорастущих съедобных растений...» (Бубырева, Ростовцев, с. 116). Затем «в ботаническом саду был создан огород, который осенью 1942 г. дал неплохой урожай. В страшную блокадную зиму люди спасали от гибели редкие растения, а по осени Ботанический сад университета кормил людей» (Бубырева, Ростовцев, с. 119).

Безусловно, за всей деятельностью ботанических садов как в спокойное время, так и дни испытаний стояли люди, которые ухаживали за главной ценностью – растениями. Значение личности в истории ботанических садов красной нитью проходит через обе книги. Для любого человека, не связанного с уходом за растениями, будет открытием, насколько тяжела эта работа. Авторы, особенно это ярко звучит у петербургских, демонстрируют самоотверженную работу людей по сохранению, восстановлению и преумножению коллекций ботанических садов.

В формировании и развитии коллекций растений огромную роль сыграли ученые, садоводы, «натуралисты» и «любители естественных наук». Авторы придают большое значение биографиям и деятельности этих энтузиастов. Для Ботанического сада МГУ значимой фигурой стал Г.Ф. Гофман, именно он «...инициировал в 1805 г. приобретение университетом аптекарского огорода и в качестве первого директора во многом определил его облик» (Голиков, с. 25). В дальнейшем повествовании автор уделяет внимание роли И.Н. Горожанкина, возглавлявшего ботанический сад в последней трети XIX в., при котором ботанический сад стал полноценной научно-исследовательской базой кафедры морфологии и систематики растений Московского университета. «Под руководством И.Н. Горожанкина были перестроены старые и сооружены новые оранжереи» (Голиков, с. 44). Также рассмотрена деятельность его преемника М.И. Голенкина и других значимых ученых-ботаников, их вклад в развитие научно-образовательной функции сада.

Бубырева и Ростовцев иначе подошли к подаче биографических справок. «Одной из задач было вспомнить тех людей, благодаря которым создан и жил Ботанический сад», подчеркивают авторы в предисловии, и уточняют: необходимо «часть имен вынуть из небытия» (Бубырева, Рос-

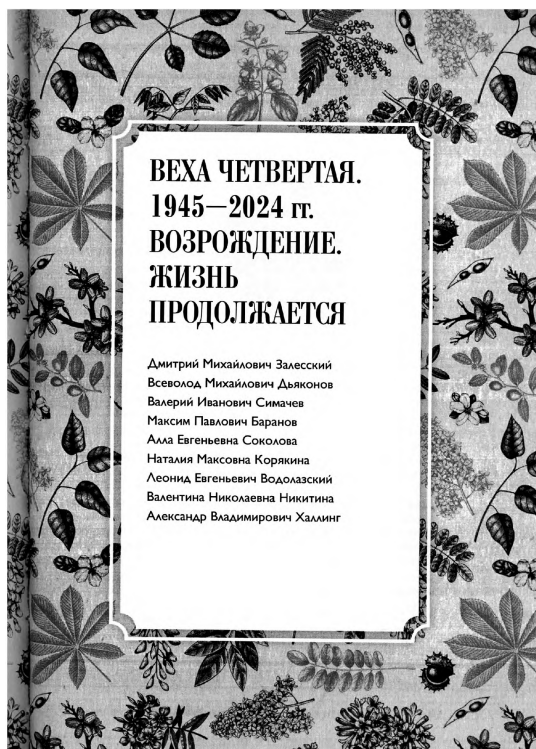

Рис. 5. Пример оформления страницы с названием глав в книге В.А. Бубыревой и Е.А. Ростовцева.

товцев, с. 6). Для того чтобы выделить значимость личности в истории сада, фамилии персоналий каждого отдельного периода вынесены на странице с названием главы (рис. 5). Среди людей, внесших вклад в развитие и сохранение ботанического сада кроме директоров и видных ученых-ботаников, авторы уделили особое внимание садовникам, «о большинстве из них известно немного» (Бубырева, Ростовцев, с. 69). Ведь во многом благодаря работе этих не всегда заметных людей ботанические сады приобретали цветущий вид. О некоторых из них информации почти не сохранилось, так, о З.И. Зюзине «практически ничего не известно», а биография Р.Ф. Нимана как «ученого садовника», приглашенного А.Н. Бекетовым для работы в 1893 г., наоборот, представлена в подробностях (Бубы-

рева, Ростовцев, с. 72–77). Несмотря на этот факт, фамилии обоих садовников авторы вынесли на страницу с названием главы, как бы подчеркивая равную значимость этих людей для истории сада независимо от найденных материалов о них и их работе.

Важнейшим направлением в существовании ботанических садов университетов была, конечно, научно-исследовательская деятельность сотрудников. Формирование научной составляющей стало неотъемлемой частью развития ботанического сада МГУ, начиная с выращивания лекарственных трав для аптекарского приказа. Затем в ботанических садах «началось изучение флоры и растительности Европейской России» (Голиков, с. 15) и создание гербарных коллекций. К концу XIX в. «изучение флоры и растительности Европейской России – традиционное направление научных исследований Ботанического сада Московского университета» (Голиков, с. 59). Развитие научного потенциала в направлении изучения растений в ботанических садах происходило под руководством известных ученых (Г.Ф. Гофмана, И.Н. Горожанкина и др. в московском саду, А.Н. Бекетова, А.С. Фаминцына и др. в саду университета северной столицы), способствовало формированию научных ботанических школ. Это авторы книг неоднократно подчеркивают в тексте. «Ботанический сад – составная часть процесса создания научных школ Московского университета и, шире – процесса становления российской науки» (Голиков,

с. 36). «В результате влияние «горожанкинской» школы вышло далеко за пределы Ботанического сада Московского университета, стимулировав развитие ботаники в ряде научных центров страны» (Голиков, с. 52). В Санкт-Петербурге в свою очередь с приходом в 1860-х гг. А.Н. Бекетова, А.С. Фаминцына в университет (работа в Ботаническом кабинете) «и был заложен крепкий фундамент ботанических знаний...» (Бубырева, Ростовцев, с. 39–41).

Как отмечалось ранее, в монографии Голикова тема научной деятельности ботанического сада вынесена в отдельную часть книги «Грани деятельности ботанического сада». Здесь автор подробно рассказывает об исследованиях научных сотрудников Ботанического сада как центра растительных биоресурсных коллекций. Голиков детально раскрывает историю формирования коллекции ирисов, сирени, древовидных пионов, селекционная работа которых на протяжении десятилетий велась в Ботаническом саду МГУ. Безусловно, упоминаются и ученые-селекционеры: И.В. Дирягина и Г.Е. Казаринов, проводившие исследования с культурой садового ириса, Л.А. Колесников, автор более ста сортов сирени, благодаря которому в мире появилось понятие «русская сирень», А.А. Сосновец, которой выведено более 20 сортов древовидного пиона. Собранные автором материалы, безусловно, являются важным источником информации для историков науки вообще и биологии в частности.

Научная работа сотрудников Ботанического сада СПбГУ вписана в общий исторический контекст. Кроме известных ученых, таких как А.Н. Бекетов, А.С. Фаминцын, авторы упоминают студенческий кружок «Маленькие ботаники», выходцы из которого в дальнейшем стали видными учеными в различных областях естествознания. Большое внимание уделено второй половине XX века в ботаническом саду, когда начали проводиться селекционные работы декоративных культур. Так авторами отмечено, что «Д.М. Залесский проводил большую селекционную работу с сенполиями. Он был первым в СССР селекционером африканских фиалок» (Бубырева, Ростовцев, с. 144). «Богатые коллекции (ирисов и роз. – М.М.) создала в ботаническом саду Н.Д. Златогурская» (Бубырева, Ростовцев, с. 179).

Научная деятельность при ботанических садах университетов развивалась параллельно, в соответствии с историческими событиями, общенаучными тенденциями разных периодов и с учетом потребностей климатических зон, в которых они расположены. Одним из направлений в работе ботанического сада ЛГУ, актуальных для северного региона, были «попытки интродукции некоторых южных растений в условиях открытого грунта». Одним из прижившихся растений стала белая акация, посаженная в 1950-х гг., «10-метровые экземпляры которой украшают сейчас территорию Ботанического сада» (Бубырева, Ростовцев, с. 157). А цветок этого южного растения использован в эмблеме Ботанического сада СПбГУ и оформлении обложки книги.

В настоящее время в ботанических садах продолжают научные исследования, так же как и на протяжении многих десятилетий они остаются учебными подразделениями, «представляющими в настоящее время

Рис. 6. Эмблема Ботанического сада СПбГУ.

кладезь научных материалов» (Голиков, с. 97) университетов. В современном мире появилась и просветительская функция, реализуемая сотрудниками ботанических садов через выставки, экскурсии и другие мероприятия, о чем также сказано в книгах, посвященных истории двух ботанических садов.

Подводя итог, нужно отметить, что две вышедшие практически подряд книги, «Три века истории Ботанического сада Московского университета: времена и грани» К.А. Голикова (2023) и «Ботанический сад СПбГУ: вехи истории» В.А. Бубыревой и Е.А. Ростовцева (2024), открывают читателю богатую и непростую историю ботанических садов при университетах двух столиц.

Различаясь по структуре и стилю, издания тем не менее дают целостное представление о развитии ботанических садов как музеев живой природы. Авторы продемонстрировали, что ботанические сады не просто коллекции растений, а важные центры науки, образования и культуры, сыгравшие значимую роль в формировании отечественной ботанической школы. Таким образом, эти книги стали важным вкладом в историографию отечественной науки.

Литература

1. Андреев Л.Н., Бер М.Н., Егоров А.А., Камелин Р.В., Лурье Е.А., Прохоров А.А., Стриханов М.Н., Селиховкин А.В. Ботанические сады и дендрологические парки высших учебных заведений // *Hortus botanicus*. 2006. № 3. С. 5–27.

2. Новиков В.С., Раппопорт А.В., Ефимов С.В. Прошлое и настоящее российских ботанических садов // *Бюллетень МОИП. Отдел биологический*. 2017. № 3. С. 38–44.

References

1. Andreev L.N., Ber M.N., Egorov A.A., Kamelin R.V., Lur'e E.A., Proxorov A.A., Strixanov M.N., Selixovkin A.V. Botanical gardens and dendrological parks of higher education institutions. *Hortus botanicus*. 2006; (3):5–27. (In Russ.)

2. Novikov V.S., Rappoport A.V., Efimov S.V. Past and present of Russian botanical gardens. *Vyulleten' MOIP. Otdel biologicheskij*. 2017; (3):38–44.

Сведения об авторе:

Малунова Мария Викторовна, научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, ул. Балтийская д. 14.

E-mail: mmalunova@yandex.ru. ORCID 0009-0003-3556-9475.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Одобрено: 11.02.2026

Дата публикации: 24.04.2026